

*Проф. Н. Д. УСПЕНСКИЙ,  
доктор церковной истории,  
кандидат искусствоведения*

## ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ А. А. ДМИТРИЕВСКОМ

С Алексеем Афанасьевичем Дмитриевским я познакомился осенью 1923 года. Тогда я приехал в Петроград, чтобы посоветоваться с профессорами бывшего Петроградского Богословского института по вопросу написания сочинения на степень кандидата богословия, на что я получил право по окончании этого института весной того же, 1923 года. С этой целью я пошел на Богословские курсы центрального городского района, помещавшиеся при бывш. русско-эстонской церкви, что на Екатерингофском проспекте, д. 24 (ныне проспект Римского-Корсакова), где некоторые из бывших институтских профессоров читали лекции. Я интересовался Историей религий и Историей Древней Церкви, Библейской археологией, считал актуальной богословской наукой Апологетику. Я находил для себя полезное и в некоторых других богословских и церковно-исторических науках, но еще не интересовался Литургией, хотя по-своему любил богослужение. Как в духовной семинарии, где я получил среднее богословское образование, так и в Петроградском Богословском институте среди учащихся существовало мнение, что Литургия — предмет «церковно-практический», что в нем уже сказано последнее слово науки, и требуется только твердое, почти наизусть, знание порядка совершения богослужения, состава его псалмов, молитв, песнопений. О существовании самого Алексея Афанасьевича я не знал.

В тот день, когда я пришел вечером на Богословские курсы, здесь были уроки по Церковному пению, которое я тоже любил, а затем состоялась лекция по Литургии. Я остался на урок пения, а когда после урока задержался в аудитории разговором с знакомыми мне слушателями из бывших студентов Института, то в это время в аудиторию вошел преподаватель Литургии. Последовало обычное перед уроком чтение дежурным слушателем молитвы и началась лекция. Мне уже неудобно было покинуть аудиторию. Преподаватель, весьма пожилой мужчина, брюнет, с седеющей бородой, одетый в черное, от времени полинявшее пальто (в аудитории было довольно прохладно и некоторые слушатели тоже были одеты в пальто), своим внешним видом напоминал мне скорее провинциального учителя, чем петроградского профессора. Но лекцию читал он, что называлось на языке студентов, «с огоньком» и этим «огоньком» зажигал интерес у своих слушателей. Это был Алексей Афанасьевич. Он излагал историю вечерни Великой пятницы с ее обрядом выноса Плащаницы. Я знал хорошо эту службу и по учебникам Литургии и практически, и мне в голову не приходило, что между Типиконом и общепринятой практикой совершения этой службы так много несоответствия и недоговоренности.

После этого дня я посетил еще несколько лекций Алексея Афанасьевича, на которых он продолжал обзор истории служб Страстной седмицы — службы утрени и литургии Великой субботы. В этих лекциях Алексей Афанасьевич излагал историю богослужебных чинопоследований и ярко раскрывал смысл и красоту песнопений и обрядов Страстной седмицы. Для меня эти лекции имели решающее значение в смысле выбора предмета для моего кандидатского сочинения. Выбор был сделан.

Закончив изложение темы о службах последних дней Страстной седмицы, Алексей Афанасьевич предложил желающим из слушателей сделать рефераты по этой теме. Несколько человек изъявили желание и должны были днем прийти на квартиру к Алексею Афанасьевичу. Я решил примкнуть к ним, чтобы иметь удобный случай поговорить с профессором о теме для моего кандидатского сочинения.

Алексей Афанасьевич жил в д. № 10 по Мытнинской улице, в коммунальной квартире, на первом этаже. Он занимал довольно большую комнату с двумя окнами, с видом на Овсянниковский сквер, что на Мытнинской улице. В комнате был тот беспорядок, который обычно можно наблюдать в жилищах одиноких мужчин. Впечатление беспорядка увеличивалось еще от множества книг, лежавших всюду — на стульях, столах и диване.

Когда Алексей Афанасьевич раздал пришедшим студентам темы для их рефератов и соответствующую литературу, я обратился к нему с просьбой дать мне тему для кандидатского сочинения. В ответ Алексей Афанасьевич дал мне две своих книги — «Путешествие по Востоку и его научные результаты...» и «Древнейшие патриаршие Типиконы...» с тем, чтобы я проштудировал их и после этого пришел к нему беседовать. От разговора же о теме моего кандидатского сочинения он уклонился.

Недели через три я опять приехал в Ленинград и пришел к Алексею Афанасьевичу. Я не знал, что я могу говорить с ним по поводу данных им мне книг. Я добросовестно проштудировал их, но я чувствовал себя не в силах что-то сказать о их научном достоинстве. Более того, они как-то смутили меня и даже насторожили, потому что иногда сказанное в них шло вразрез с моими религиозными представлениями, которые для меня казались ортодоксальными. Меня смущало сообщение Алексея Афанасьевича в его «Путешествии...» об открытых им «Правилах» преп. Саввы Освященного. Я привык думать и меня тому учили, что наш Церковный устав ведет свое начало от самих апостолов и лишь был записан преп. Саввой, «Правила» же преп. Саввы, записанные им собственноручно и опубликованные Алексеем Афанасьевичем, ни размером, ни содержанием не были похожи на наш Типикон. Короче говоря, опубликованные Алексеем Афанасьевичем «Правила» преп. Саввы вызвали у меня ряд возражений. Не меньше смутила меня и книга «Древнейшие патриаршие Типиконы...» Я знал, что Русь приняла крещение от константинопольских греков, следовательно, и их богослужение, но богослужение Великой (Константинопольской) церкви, которое так подробно излагал Алексей Афанасьевич в «Древнейших патриарших Типиконах...», оказалось совершенно отличным от нашего. Я задавал себе вопрос: как это могло получиться? И какой же из этих двух Типиконов древнейший, в том смысле, что его можно было бы назвать ведущим свое начало от апостолов?

Не без смущения я сказал Алексею Афанасьевичу, что штудирование его книг вызвало у меня такие недоумения. Признаваясь в этом, в душе я боялся обидеть Алексея Афанасьевича. Но, сверх моего ожидания, эти вопросы вызвали Алексея Афанасьевича на живой и интересный для меня разговор, который затянулся на несколько часов. В конце нашего разговора Алексей Афанасьевич сказал мне, что он в

скором времени будет читать студентам лекции о всеношном бдении, в связи с чем и я мог бы сделать небольшую работу. Он дал мне III том своего «Описания литургических рукописей» и книгу К. Кекелидзе «Литургические грузинские памятники...» и велел выписать из этих трудов все, что касается чина всеношного бдения и описать все то, что является оригинальным сравнительно с чином всеношного бдения, как он изложен во 2-й главе нашего Типикона. При этом Алексей Афанасьевич предупредил меня, что эта работа будет трудоемкой, и установил мне срок для ее выполнения — 3 месяца.

По истечении этого срока я привез и сдал Алексею Афанасьевичу свою работу<sup>1</sup>. После, когда я пришел к нему в назначенный день, он сказал мне, что выполненная мной работа составит солидную часть моего кандидатского сочинения, затем он назвал тему этого сочинения, дал порядочное количество своих книг, указал, на что мне обратить внимание, и опять установил срок для работы. Так он руководил мной, и я периодически приезжал и показывал ему свою работу. Весной 1925 г. я представил свое кандидатское сочинение в законченном виде.

Я подробно остановился на первых шагах моей научной подготовки под руководством Алексея Афанасьевича, чтобы сказать, что это был не только выдающийся ученый исследователь и талантливый лектор, но и прекрасный педагог, умевший пробудить у своих учеников любовь к труду и науке. Изучая оставшийся от Алексея Афанасьевича его личный архив, я прихожу к выводу, что все темы кандидатских сочинений, в том числе и данная мне, представляли собой зрелый плод его собственных научных наблюдений. Давая тему для сочинения, он отчетливо представлял себе те результаты, к которым должно было привести то или иное исследование. Алексей Афанасьевич не выпускал начинающих у него работать из поля своего зрения, не обрекал их на долгие и порой бесплодные искания источников их работ, а, напротив, всячески ограничивал возможность такого искания требованием упорного труда и тщательного изучения тех источников, которые он сам давал ученику. Таким методом руководства он прививал своим ученикам надежную школу научно-исследовательской работы.

Позднее мне стало понятно и то, почему Алексей Афанасьевич при первом моем обращении к нему по поводу темы для кандидатского сочинения уклонился от этого вопроса. Один из слушателей Курсов молодой ленинградский протонерей обратился к Алексею Афанасьевичу с просьбой дать ему тему для кандидатского сочинения. Алексей Афанасьевич отнесся к нему так же как и ко мне и к другим обращавшимся к нему с аналогичным вопросом, — вместо конкретного разговора о теме дал несколько книг для штудирования. Но через несколько дней этот батюшка пришел с книгами к Алексею Афанасьевичу и сказал, что он решил не писать сочинение по Литургике ввиду неактуальности этой науки и что он считает более полезным заняться богословско-философскими вопросами. Этот разговор происходил в моем присутствии. Помню, как Алексей Афанасьевич нахмурил брови и с нескрываемым чувством обиды сказал: «Я, батюшка, думаю, что для священника Литургия всегда была и будет актуальной наукой. Но я понимаю Вас. Размышлять о богословско-философских вопросах можно и в городском саду, любясь голубым небом, свежей зеленью деревьев и пением птиц, а чтобы сделать что-то по Литургике, для этого надо протереть брюки, и может быть не одни». Протонерей все же оставил книги у Алексея Афанасьевича. После этого он приглашал Алексея Афанасьевича на блины, на пасхальные разговоры, но все было напрасно: Алексей Афанасьевич был обижен в лучших своих чувствах!

<sup>1</sup> Хранится в архиве А. А. Дмитриевского (ГПБ, фонд 253, карточки 4 и 11).

Осенью 1925 г. Богословские курсы центрального района были преобразованы в Высшие Богословские курсы. По получении степени кандидата богословия я, по ходатайству Алексея Афанасьевича, был прикреплен для научной специализации по кафедре Литургики. Для меня это было лестно, но мое профессорское стипендиатство материально ни в какой мере меня не обеспечивало. И я не мог претендовать на какую-либо материальную поддержку, потому что сами профессора Курсов не имели твердого жалованья и получали заработную плату за фактически данные часы лекций. Чтобы иметь средства для существования, я должен был работать, и поэтому время моей научной специализации под руководством Алексея Афанасьевича не ограничилось одногодичным сроком, как это было в дореволюционных духовных академиях. В течение трех лет я все свободное от работы время проводил у Алексея Афанасьевича. Он был очень требователен в отношении моих занятий Литургией. Находясь у него, я должен был так же усидчиво работать над книгой, как и он. Мне было выделено место за одним из столов в его комнате. По его указанию я переводил *Notae Evhologionis Goara*, отдельные места из Архидиаконника Габерта и из Собраний литургий Рендота. Он приучал меня к пользованию трудами Даниеля, Денцингера, и у него я начал переводить патентованный учебник по Литургии Тальхофера. После проведенного за такой работой дня вечером Алексей Афанасьевич обстоятельно спрашивал меня о проделанной мной работе. Обычно он был доволен моей работой, но иногда и бранил меня. Он особенно строго относился к использованному в трудах научному аппарату и требовал проверки всех цитат по первоисточникам, не доверяя авторитету авторов, хотя бы то были известные ученые или его собственные ученики. У меня же это отнимало немало времени и казалось мне менее интересным, чем штудирование самих трудов. Я не понимал важности его беспощадного требования, а он в таком случае раздражался и не стеснялся в выражениях, которые могли быть для меня оскорбительными. Обычно в конце неприятного для меня разговора Алексей Афанасьевич махал безнадежно рукой и говорил, что и те ученики его, труды которых я штудировал без проверки цитат, были тоже бездельниками. Я на это не обижался, и мне было даже лестно, что при столь оскорбительных эпитетах он удостоивал меня быть в одном ранге с его учениками, имена которых были известны в науке. Я знал, что за этой суровостью скрывалась глубокая любовь Алексея Афанасьевича к его ученикам. Одиноким, лишенный радости семейного счастья, он отдавал свое отеческое чувство тем, кого он родил для науки, и я был младшим сыном в этой его семье. «Мой Вениамин» — так называл он меня, представляя меня своим знакомым или говоря обо мне.

В те дни, когда я был свободен от работы, а Алексею Афанасьевичу нужно было идти в Публичную библиотеку, он брал меня с собой. Здесь по его требованию мне давали рукописные Типиконы, Служебники, Требники, и я должен был их рассматривать и выписывать, что находил в них интересным. Возвращаясь из библиотеки, Алексей Афанасьевич расспрашивал меня, что я смотрел и что нашел. Отвечая ему, я чувствовал, что он прекрасно знает эти рукописи, но расспрашивает меня, потому что и здесь он не хочет выпускать меня из поля своего внимания.

Источником существования Алексея Афанасьевича была та скромная почасовая плата, которую он получал за чтение лекций на Богословских курсах. Как действительный член Славянской комиссии Академии наук, он имел некоторые льготы в части оплаты своей комнаты. Кроме того, ему оплачивались доклады, которые он делал по поручению этой Комиссии и Русско-Византийской комиссии. Постоянного жалованья он не имел. На эти средства он мог только «сводить концы с концами», т. е. платить за квартиру, коммунальные услуги, проезд в

трамвае, иметь два раза в день чай и обед. причем в один день только первое блюдо, а в другой — только вторсе. Жившие в одной квартире с Алексеем Афанасьевичем старушки-пенсиирки покупали ему необходимые продукты, а готовил свой скромный обед он сам.

Несмотря на свою бедность, Алексей Афанасьевич был очень щепетилен и не принимал никакой материальной помощи от своих учеников-студентов. С закрытием в 1928 году Высших Богословских курсов Ленинградское епархиальное управление стало выплачивать Алексею Афанасьевичу регулярное ежемесячное денежное пособие. Тогда же он обратился в свой районный отдел социального обеспечения с просьбой о назначении ему пенсии. В пенсии ему было отказано, но было предложено бесплатное содержание в одном из домов-пансионатов для престарелых граждан района. Алексей Афанасьевич от этого отказался, так как считал, что переселение в такой пансионат лишило его возможности той интенсивной научной работы, которую он проводил в условиях жизни в отдельной комнате, где у него была большая личная библиотека и где он мог работать целыми днями и даже ночами, никого не стесняя и будучи никем не стесняем. Он по этому поводу говорил, что ему легче переносить телесную нищету, с которой он с годами уже свыкся, чем духовный голод отсутствия возможности научной работы. Судьба же скоро определила подвижнику науки вместо пансионата вечный покой.

В конце июля 1929 года я последний раз видел Алексея Афанасьевича. Он жаловался на боли в нижней части живота. Несмотря на это, он интенсивно работал над критическим исследованием Евхологиона Гоара. В буквальном смысле слова он сидел целыми днями за письменным столом и настолько жадно берег свое рабочее время, что ограничивал даже время еды. Помню, что и в этот раз у него рядом с его письменным столом стояли два примуса. На одном варились щи с мясом и помидорами (Алексей Афанасьевич очень любил это блюдо), а на втором — компот из свежих фруктов. Он велел мне смотреть за этой кухней. Компот сварился раньше шей, и Алексей Афанасьевич сказал: «Давай кушать компот, а за это время и щи будут готовы». Когда был съеден компот, я взял тарелки и пошел на кухню, чтобы помыть их. Алексей Афанасьевич стал меня бранить, будто я только ищу повода, чтобы бездельничать и тратить напрасно свое и его время. Он велел наливать щи в тарелки из-под сладкого.

В первых числах августа я выехал к родителям в Новгородскую область и здесь вскоре получил печальную телеграмму о кончине Алексея Афанасьевича. Он скончался от уремии. Я увидел его уже лежащим в гробу в русско-эстонской церкви, где совершалось его отпевание. Погребен был Алексей Афанасьевич на братском кладбище Александроневской лавры.

Вечная твоя память, достопамятный и приснопамятный мой учитель!

---